

**ЯПОНСКИЕ МЕЧИ
В СОБРАНИИ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН¹**

**Общая характеристика коллекции японского оружия
в собрании МАЭ РАН²**

За 300 лет своей истории МАЭ РАН, в разные времена известный как «Кунсткамера», «Этнографический музей», «Ленинградское отделение Института этнографии Академии наук СССР», собрал довольно значительную коллекцию традиционного японского оружия, насчитывающую около 100 единиц клинкового оружия разных типов, как в оправе, так и без нее. По типологической классификации большинство из них – *танто*, *вакидзаси*, *катана*; имеется четыре *тати*, один *кэн*, несколько уставных армейских мечей *кюгунто* и один *сингунто*; по исторической классификации – есть и «старые» мечи *кото* (изготовленные до конца XVI века), и *синто*, или *син-синто* («новые» мечи периода Эдо, начала XVII – второй половины XIX века), и один *гэндайто* (конец XIX – первая половина XX века). В фондах МАЭ хранится также около полутора сотен металлических деталей оправы – разнообразные *канамоно* (*цуба*, *фути*, *касира*, *мэнуки*), а также отдельные оправы без клинков.

В собрании МАЭ представлено свыше двух десятков образцов древкового оружия (копья *яри*, алебарды *нагината*, один боевой серп *кусарикама*, боевые крючья *содэгарами* и *сасумата*), традиционные луки *дайкю* и *ханкю*, четыре традиционных колчана (*ямато-уцубо* и *эбира*), коллекция стрел с наконечниками разных форм, образцы традиционного огнестрельного оружия – аркебузы *хинавадзю* и пистолеты *тандзуцу* с фитильными затворами и аксессуарами для хранения и заряжания.

Помимо перечисленного, имеется свыше 20 комплектов японского доспеха *тосэй гусоку* времен позднего Муромати – Эдо; четыре боевых седла *ямато-гура* с аксессуарами, полный комплект сбруи боевого коня и даже чучело такого коня, привезенное в Россию в 1890-х годах.

Есть также и подборка оружия японских айнов, как самодельного, так и с японскими клинками и гардами *цуба*.

В целом, эта коллекция весьма репрезентативна и вполне адекватно иллюстрирует военную культуру самурайского сословия XVI–XIX веков. Упомянутые выше предметы использовались и в трех версиях постоянной японской экспозиции (1900-х годов³, 1930-х годов и современной, основа которой была создана в 1969 году Г. А. Гловацким и Р. А. Ксенофонтовой⁴), и в многочисленных тематических временных выставках.

Собиратели и особенности формирования коллекции японского оружия

Источники поступления японского оружия в Кунсткамеру – МАЭ были разнообразными. Некоторые образцы были переданы академическому музею по указанию августейших особ (Петра I, Екатерины II, Александра I, Николая I, Николая II). Появление в музее множества деталей художественной оправы связано с собирательской деятельностью членов императорской фамилии – прежде всего, великого князя А. М. Романова и его супруги К. А. Романовой. Целые комплекты самурайских доспехов и оружия были приобретены посещавшими Японию и «державшими вымпел» в японских портах офицерами Военно-морского флота Российской империи, среди которых: адмирал О. Р. Штакельберг, адмирал В. В. Линдестрем, адмирал С. О. Макаров. Многими редкими экспонатами МАЭ обязан военным, путешественникам, участникам Русско-японской войны (в том числе лейтенанту Н. А. Хвостову и мичману Г. И. Давыдову, генерал-майору П. К. Козлову, полковнику С. А. Алексееву); представителям ученого академического сообщества (анатому А. И. Таренецкому, советскому индологу А. М. Мерварту) и творческой интеллигенции (например, в 1913 году была приобретена небольшая коллекция оружия у знаменитой певицы М. Я. Пуаре).

Весьма интересные образцы японского оружия были получены от иностранных собирателей – офицеров Голландской Ост-Индской компании И. А. Штуцера (1795), И. Ф. ван Овермеера Фишера (1838), Ф. Ф. фон Зибольда (год поступления неизвестен), японского купца с острова Хоккайдо господина Хасэгава (1903).

К сожалению, сохранились имена далеко не всех собирателей, ибо предметы нередко поступали в МАЭ опосредованно, утрачивая

историю бытования и какое бы то ни было документальное сопровождение, в том числе по причине драматических событий революции 1917 года и Гражданской войны. Много предметов поступало от различных общественных и государственных институтов Российской империи, включая Императорское Русское географическое общество, Азиатский департамент Министерства иностранных дел Российской империи; в ранний советский период – от новообразованных советских учреждений, таких как Музейный фонд, УТЧК (участковые транспортные чрезвычайные комиссии), Музей ВЧК (Всероссийской чрезвычайной комиссии), КУЖД (Комиссия по улучшению жизни детей) и других.

В 1930-е годы много японского оружия поступило в составе так называемых межмузейных передач – в частности, от Ленинградского артиллерийского музея (Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи), Центрального военно-морского музея, музея Военно-морского училища им. М. В. Фрунзе, Института пролетарских изобразительных искусств (Академия художеств), Ленинградского морского техникума. В 1950 году МАЭ получил большое количество японского оружия от Государственного музея восточных культур (Музей Востока) в составе обширной передачи восточноазиатских предметов.

К сожалению, много мечей изначально поступило в музей в плохом состоянии, с частичной или полной утратой деталей оправы; многие клинки потеряли знаменитую японскую полировку, что лишает возможности любоваться узорами ихковки и закалки; некоторые имеют серьезные сколы лезвия и деформацию.

Обобщая принципы коллекционирования японского оружия Кунсткамерой – МАЭ, можно сделать вывод об отсутствии целенаправленного собирания, о его пассивном и стихийном характере. Фактически музей принимал все японские предметы, вне зависимости от их художественной ценности и состояния сохранности, так как они считались раритетами, ценными с этнографической точки зрения, поскольку иллюстрировали те или иные аспекты традиционной японской культуры. В отличие от многих зарубежных музеев восточноазиатского искусства, МАЭ никогда не закупал японские предметы (в том числе и японские мечи) у профессиональных арт-дилеров.

Следует также отметить, что системообразующим принципом комплектования коллекций в МАЭ, за редким исключением, является

объединение предметов по источнику поступления (собирателю/дарителю), а не по их тематическому составу. Так, в коллекции, поступившей от одного собирателя и получившей соответствующий музейный номер, могут быть объединены предметы, совершенно разные по материалам, технике, времени и месту изготовления и этнической спецификации.

О собирании японских мечей в России

С конца XX века в России наблюдается устойчивый интерес к японскому оружию со стороны частных коллекционеров, и значительное число японских мечей ввозится частными лицами и арт-галереями как непосредственно из Японии, так и с международных аукционов в Европе и США. Однако в период с 1917 по 1990-е годы ввиду осложнившихся отношений с Японией новых поступлений было крайне мало. Можно говорить о трофеях Второй мировой войны (в том числе о мечах Квантунской армии), но это в основном так называемые *сингунто* – «новые армейские мечи», известные также как квантунки, в уставной оправе, с клинками, как правило, заводскойковки; поэтому согласно стандартам японской экспертизы подобное оружие не относится к категории *нихонто* – «[традиционный] японский меч».

Изучение истории процесса собирания коллекций японского оружия в России позволяет сделать вывод, что на территорию нашей страны большинство традиционных японских мечей попало в период между 1855 и 1917 годами, после заключения первого русско-японского Договора о дружбе и торговле (Симодского трактата). Символом этого события стал прекрасный меч, официально подаренный главой представителей японской стороны на переговорах Кавадзи Тосиакира (1801–1868) главе российской миссии вице-адмиралу Е. В. Путятину (1803–1883). Этот уникальный меч работы мастера Дзиротаро Наокацу хранится в Государственном Эрмитаже; он был описан М. В. Успенским в статье «Меч Кавадзи Тосиакира»⁵.

Особенно много отечественных собирателей посетило Японию в период Мэйдзи (1868–1912); японское оружие было одним из наиболее популярных предметов коллекционирования. В указанный период в Россию было завезено весьма значительное его количество; этому процессу способствовала и Русско-японская война 1904–1905 годов. Большинство традиционных японских мечей, находящихся в отечественных музейных собраниях, включая собрание МАЭ, а также

в частных коллекциях советской эпохи, было вывезено из Японии именно в это время.

Более ранние поступления японского оружия считаются большой редкостью: с 30-х годов XVII века вплоть до «открытия» Японии в 50-е годы XIX века сёгунат Токугава проводил политику жесткой самоизоляции (яп. *сакоку сэйсаку* – букв. «удержание страны на цепи»). Торговля с Европой была сведена к деятельности фактории Голландской Ост-Индской компании на островке Дэсима в Нагасаки, куда могло заходить лишь несколько (в разное время от двух до семи) голландских кораблей в год. Вывоз японских мечей в Европу строго контролировался японскими властями, фактически был запрещен; голландцам удавалось забирать с собой лишь единичные образцы, и они считались большой редкостью в Европе.

В МАЭ в настоящее время хранится несколько мечей, поступивших в академический музей (Кунсткамеру) именно во времена Эдо (1600–1868), и они представляют особую историческую ценность.

Ниже пойдет речь о наиболее интересных, на наш взгляд, японских мечах из собрания Кунсткамеры – МАЭ РАН.

Первый японский меч в собрании Кунсткамеры

Первым поступившим в Кунсткамеру, согласно документам, японским мечом была упомянутая в каталоге «*Musei Imperialis Petropolitani*» «японская сабля, у которой эфес и ножны золотом оправлены»; она поступила в 1722 году от Соляной конторы и помещена в раздел «Драгоценные вещи, сделанные из золота и серебра» каталога; сохранилось изображение части оправы (рукоять и часть ножен) – рисунок-иллюстрация за номером 90 к указанному каталогу⁶. Судя по рисунку, эта «сабля» – малый меч *вакидзаси*. Ножны его покрыты темно-коричневым лаком; в них имеется вспомогательный нож *когатана*, декоративная ручка (*кодзука*) которого прорисована довольно тщательно: она, по-видимому, медная, покрыта темно-бурой патиной с орнаментом в технике *такадзоган* – аппликации в высоком рельефе, изображающим *унрю* – «дракона в облаках»; фигурка дракона и частично облака позолочены, как и весьма массивное устье ножен (*коигути*). Прорисовано также и ушко ножен (*куругата*), лишенное особого узора. *Цуба* овальной формы, бурого цвета, имеет ободок по периметру (*мими*), но по рисунку невозможно понять,

присутствует на ней орнамент или нет. Отмечено *когатана-хицу* – специальное отверстие для вынимания ножа *когатана*. *Фути* (металлическое кольцо на рукояти) – массивное, довольно необычной асимметричной формы, орнаментировано в технике *такабори* (резьбы в высоком рельефе), позолочено. Шнур рукояти – широкий, плетеный из шелковых нитей темного серо-синего цвета. Под шнуром виднеются зерна *самэ* – акульей кожи, которой оклеена деревянная основа рукояти; ближе к вершине рукояти угадывается *мэнуки* – декоративная фигурка, однако ее форма и орнамент не читаются. *Касира* (головка рукояти) изображена массивной, без декора; материал – рог или черепаха. На ней прорисовано золоченое декоративное ушко *ситодомэ* для крепления шнура *сагэо*. Как видно на рисунке, в районе *касира* оплетка рукояти была повреждена (по-видимому, ослабла и сместилась так, что показалась основа рукояти), и широкий шнур перетянут тонким шнурком для предотвращения дальнейшей деформации.

Как уже упоминалось, меч поступил в 1722 году от Соляной конторы. Впервые опубликовавшая изображение этого меча в 1969 году в качестве иллюстрации к своей статье «Из истории японских коллекций Кунсткамеры»⁷ Р. А. Ксенофонтова, предположила, что эта сабля могла поступить только с Камчатки, где в то время действительно встречались японские вещи, попадая туда с потерпевших бедствие японских торговых кораблей, и могла быть отдана владевшими ею камчадалами в качестве «соляного ясака»⁸.

Однако представляется, что в случае прохождения меча через руки камчадалов и айну оправа его вряд ли бы смогла сохраниться так хорошо: оправа японских мечей (особенно лаковое покрытие) чрезвычайно чувствительна к условиям хранения, и весьма сомнительно, чтобы таковые могли бы быть обеспечены в суровых реалиях Камчатки начала XVIII века. Скорее всего, оригинальные детали оправы были бы либо безнадежно повреждены, либо вовсе утрачены и заменены более грубыми изделиями местного производства. Айнские мечи из собрания МАЭ являются тому примерами.

Сотрудником Отдела Востока Государственного Эрмитажа М. Л. Меньшиковой была высказана версия о «голландском следе» этого меча. Именно у голландских антикваров (включая Альберта Себа) Петром I через ряд агентов было приобретено для Кунсткамеры несколько японских предметов. Известно также, что средства для оплаты

закупленных представителями Петра I раритетов поступали именно от Соляной конторы.

К сожалению, судьба этого первого в России японского меча неизвестна: в коллекции МАЭ РАН его нет, нет и упоминаний о нем в архивных документах о передаче японских предметов из собрания старой Кунсткамеры в МАЭ.

Два *танто* из коллекции И. А. Штуцера

Самые ранние поступления японского оружия в МАЭ РАН относятся к 1795 году, когда в Академию наук по распоряжению императрицы Екатерины II была передана японская коллекция доктора И. А. Штуцера, присланная от его имени. Доктор И. А. Штуцер (1763–1821), по происхождению из стокгольмских немцев, служил в качестве старшего врача в фактории Голландской Ост-Индской компании на острове Дэсима в Нагасаки в 1787–1788 годах. Был участником очередного так называемого путешествия в Эдо в 1788 году.

Как ученик выдающегося шведского ученого К. П. Тунберга, Штуцер увлеченно собирал разнообразные японские предметы⁹; в составе присланной от его имени коллекции были и два ножа *танто*. Они смонтированы в стиле *айкути* (без гарды), с рукоятками в стиле *ханаси-мэнуки* (без оплетки шнуром), с черными лаковыми ножнами без украшений. Клинки ножей имеют классическую форму *хира-дзукури* (плоские боковины), *хамон* (линию закалки) в стиле *ко-сугуха* (тонкая ровная прямая линия) и специфическую полировку: она не доведена до состояния зеркального блеска, а имеет вид плотной тонкой опилочки. Оба ножа имеют оправу в одном стиле, с весьма схожими муфтами *хабаки* (*варихабаки*), украшенными серебрением и позолотой, и, по всей вероятности, были приобретены Штуцером в одной лавке.

Один из этих ножей (инв. № 677-13), с клинком длиной 34,3 см, подписан именем 兼友 – *Канэтомо*, имеет одно отверстие *мэкуги-ана* на хвостовике, чуть смещенное от его центра к вершине черена. Имя Канэтомо было весьма популярно среди кузнецов провинций Ивасиро, Мино, Кага и Кодзукэ; известно более 20 кузнецов, использовавших эту подпись в XV–XVIII веках. Клинок помещен в черные лаковые ножны с пазом для *когатана*, однако этот нож утрачен. Рукоять обтянута *самэ*, покрытой лаком черного цвета. *Фути* и *касира* – черепаховые, без орнамента; сохранились две декоративные фигурки

мэнуки – обе маленькие, круглой формы, черненой меди, с изображением летящих куличков в технике *такадзоган* (аппликации); с одной стороны куличек позолочен полностью, с другой – посеребрен, позолочены только ножки.

Второй нож (инв. № 677-14) имеет клинок длиной 36,2 см с подписью 光世 – *Мицуюэ*. Эта подпись также была весьма популярна, известно не менее 23 мастеров, ею пользовавшихся. Скорее всего, кузнец этого меча жил в период Адзуты – Момояма (XVI век) в провинции Хидзэн. Клинок имеет значительные повреждения (сколы) в области лезвия, а также некоторые дефектыковки (в том числе *дзиганэварэ* – разрывы сварочных швов на обухе). Оправа также весьма повреждена, ножны, *футти* и *касира* утрачены, как и одна из фигурок *мэнуки*. Сохранились сама рукоять, оклеенная *самэ* белого цвета, *хабаки* и одна *мэнуки* (медная, позолоченная, в форме свернувшегося дракона).

Японское оружие – трофеи экспедиции лейтенанта Н. А. Хвостова и мичмана Г. И. Давыдова

Следующее поступление японского оружия в Кунсткамеру приходится на 1810 год и связано с так называемой экспедицией Николая Александровича Хвостова и Гавриила Ивановича Давыдова 1806–1807 годов против японских поселений и морских коммуникаций на Сахалине и Курильских островах. Известно, что в ходе этого весьма успешного в военном отношении рейда, предпринятого на кораблях «Юнона» и «Авось», принадлежавших Российско-американской торговой компании, было захвачены многочисленные трофеи, в том числе и японское оружие. Однако большая часть груза была утрачена по возвращению кораблей экспедиции в Охотск¹⁰, и лишь некоторые японские раритеты были сохранены руководством компании и отправлены в Санкт-Петербург на имя императора Александра I. Эти предметы упомянуты в «Описи вещам всемилостивейшее пожалованным Его Императорским Величеством для хранения в музее Академии наук 9-го дня 1810 года», хранящейся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук¹¹. Впоследствии вещи были распределены по различным местам хранения. Так, две старинные пушки XVI века хранятся ныне в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, один фальконет – в Арсенале Государственного Эрмитажа, книги и документы – в Институте востоковедения РАН,

а большая часть вещей (оружие и предметы быта) – в МАЭ РАН. Среди этих трофеев представлен и один меч, имеющий сейчас инвентарный номер 677-50. Это – *вакидзаси* с длиной лезвия 59 см (общая длина клинка – 74,3 см), подписи мастера нет. Очевидно, этот меч – не шедевр оружейного искусства, а простой, но надежный боевой клинок, принадлежавший самураю явно не очень высокого ранга. Возможно, этот меч был захвачен непосредственно во время боя: ножны у него отсутствуют изначально. Сохранившиеся детали оправы очень простые: рукоять обтянута плотным темно-синим шнуром, засалившимся от долгого употребления, под шнуром сохранились обе фигурки *мэнуки*. Обоймица рукояти *фути* – медная, с простым декором в стиле *нанако* (букв. «икра», орнамент из мелких «зерен», набитых специальным пробойником) и золоченым ободком; *касира* – черепаховая. *Цуба* плоская, круглой формы, с изображением цветка сливы в технике перфорации *сукаси-бори*, негативный силуэт. Материал – сталь, напоминающая современную нержавеющую (за все годы хранения на ней не появилось ни патины, ни коррозии), поэтому сохраняет соответствующий блеск, что довольно необычно для японского вкуса, предпочитающего патину.

Из собрания экспедиции Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова в коллекции МАЭ кроме этого меча есть и другие образцы традиционно японского оружия: два фитильных ружья с красными сафьяновыми чехлами, украшенными гербами дома Намбу, пистолет, два украшенных такими же гербами колчана в стиле *ямато-уцубо* со стрелами, два коротких копья *тэяри*, патронная сумка *доран*, а также три комплекта доспехов и две безрукавки *дзимбаори*, носившиеся поверх доспехов¹².

Мечи из собрания И. Ф. ван Овермеера Фишера и Ф. Ф. фон Зибольда

В 1838 году на имя императора Николая I поступила смешанная коллекция японских и индонезийских предметов от служащего Голландской Ост-Индской компании И. Ф. ван Овермеера Фишера (1840–1848), проведшего около 10 лет (с 1820 по 1830) в фактории на острове Дэсима. К тому времени старая Кунсткамера уже была реорганизована в ряд отдельных академических институтов, и коллекция Овермеера Фишера была отправлена в Азиатский музей (ныне Институт востоковедения РАН); позже, в 1842 году, большая часть этнографических предметов была передана в недавно образованный

Этнографический музей. В число этих предметов были включены и два меча *катана*, один длиннее, другой несколько короче; мечи были вложены в шелковые декоративные чехлы и помещены в черный лаковый футляр *катана-дзуцу* на манер пары *дайсэ*¹³.

Это были первые длинные японские мечи (*дайто*) в коллекции МАЭ. Клинки обоих представлены классической формой *синоги-дзукури* с небольшим изгибом *ториш-дзори*; у обоих простые черные ножны без декоративных деталей, без вспомогательных ножей. К сожалению, состояние полировки клинков оставляет желать лучшего, и декоративные эффектыковки и закалки практически не видны.

В оригинальной описи Овермеера Фишера приводятся весьма любопытные размышления собирателя по поводу культуры ношения мечей в Японии:

«Пара сабель. Саблю в Японии можно рассматривать скорее как принадлежность туалета, а не как оружие, если принять во внимание, что прошли целые века с тех пор, как ее вынимали из ножен для военных целей. Но, несмотря на это, мне кажется, что ни одна другая нация не относится с таким уважением и заботою к этому оружию, как японцы, независимо от ранга или профессии. Японец всегда вооружен саблей, и хотя для права ношения ее требуется какой-нибудь гражданский или военный ранг, все же редко встретишь мужчину без сабли. Актеры, рабочие и торговцы, не пользующиеся по причине своего ремесла правом ношения оружия, почти всегда принадлежат к свите кого-либо из сановников, чтобы иметь право в праздничные дни появляться в парадной одежде; очень странно видеть в таких случаях самого последнего поденщика, принимающего участие в кортеже какого-нибудь знатного лица и держащегося так, как будто это – его обычное занятие.

Чиновники императора и все, имеющие какой-либо военный чин, одновременно носят две сабли на левом боку, на поясе, причем сабли различаются только длиной. Более длинная сабля служит оружием для защиты; ее снимают при входе в дом. Короткая же сабля всегда остается при хозяине – либо сбоку, на поясе, либо ее кладут на циновку или ковер, на котором сидят.

Чтобы показать, с каким уважением японцы относятся к этому оружию, достаточно сказать, что они скорее обойдут вокруг всей комнаты, с тем только, чтобы не переступить поверх лежащей на дороге сабли. Нередко встречаешь сабли, которым несколько сот лет, с подлинной хроникой их подвигов; такие сабли являются драгоценностью

и почестью всей семьи. Нередко крайне преувеличенные цены на сабли являются следствием их [такого рода] достоинства; но в общем нужно сказать, что японские клинки не имеют себе равных по качеству и красоте.

В стране, где имеется огромное количество сабель, так как несколько миллионов жителей пользуются правом их ношения, запрет на их экспорт под предлогом сохранения тайны их изготовления может показаться неуместным. Однако суеверная привязанность ко всему древнему и в особенности любовь к оружию своих славных предков мне кажется достаточной причиной для того, чтобы экспорт любого оружия считался самым большим преступлением контрабанды и карался смертною казнью»¹⁴.

Тот меч, что чуть короче (инв. № 13-9-A2/2), имеет неподписанный клинок с паттерном закалки *тю-сугуха* (ровная прямая линия средней ширины), с двумя отверстиями *накаго-хицу* на черене. Общая длина клинка – 80,2 см, длина лезвия (*нагаса*) – 62 см, фактически на грани между *катана* и *вакидзаси*. Интересными декоративными элементами оправы можно назвать *фуги* с изображением длинноносого демона *карасу-тэнгу* (в технике *такабори* – гравюры в высоком рельефе) и круглую тонкую железную *цуба* с вырезанными в технике *сукасибори* изображениями *кикко* – шестигранных чешуек черепахового панциря. *Цуба* имеет подпись мастера – 埋忠城州住 – *Умэтада Дзёсю дзю* («Умэтада из провинции Ямасиро»). Так подписывались представители известной семьи оружейников Умэтада, жившие в Киото, а позже – в Эдо; первым использовал эту подпись (埋忠 – «наполненный верностью») мастер Умэтада Сигэмунэ, работавший на сёгуна Асикага Ёсимунэ (середина XV века)¹⁵. *Цуба* меча с инвентарным номером 13-9-A2/2, по-видимому, датируется концом XVII – самым началом XVIII века.

Второй меч чуть длиннее: общая длина клинка – 90 см, *нагаса* – 73 см. *Хамон* – в стиле *тогари-гуномэ* (иррегулярная волнистая линия; местами «волны» имеют очертания наконечника стрелы). Хвостовик отмечен тремя отверстиями *мэкуги-ана* и имеет подпись – 平鎮 – *Тайра Сигэхиса*. Этот мастер принадлежал к школе Такада из провинции Бунго, остров Кюсю, активно работал в середине – второй половине XVI века¹⁶. *Цуба* (XVIII век (?)) – круглая, железная, покрыта бурой патиной; орнамент – снизу веточка с тремя листьями японского дуба; один лист выполнен в технике перфорации, негативный силуэт;

контуры второго и третьего, как и сама ветка, намечены неглубокой и нарочито небрежной резьбой; при этом прожилки листа обозначены золотой насечкой. В верхней части *цуба* вырезаны изображения облаков. Подпись: 国吉唐津住 – *Куниёси Карацу дзю* (Карацу – город на северо-западе острова Кюсю, префектура Сага). Примечательна *касира* с орнаментом в виде лозы винограда и бабочки (комбинированная техника: инкрустация золотой проволокой, рельефная аппликация различными металлами *ироэ-дзоган*, разноцветные патины, *нанако*). Ножны из дерева магнолии, покрыты черным лаком *куро-уруси*. Имеют *сагэо* темно-синего цвета.

Исследование предметного состава и документов коллекции И. Ф. ван Овермеера Фишера показало, что в конце XIX века к ней было присоединено еще 36 предметов, не числящихся в оригинальной описи собирателя: 35 картин известного художника из Нагасаки Кавахара Кэйга (1786–1860 (?)) и один меч *вакидзаси*. Никаких сопроводительных документов к ним не прилагалось; причины, почему они были присоединены к коллекции Овермеера Фишера, остаются неизвестными, равно как и имя их подлинного собирателя. Впрочем, на последнее косвенно указывает одно немаловажное обстоятельство: на некоторых картинах Кавахара Кэйга имеются надписи на немецком языке, причем почерк собирателя и аналогичные надписи на атрибутированных рисунках этого художника из собраний других музеев позволяют сделать вывод, что эти картины принадлежали к оригинальной коллекции Ф. Ф. фон Зибольда (1796–1866). Сам Зибольд сотрудничал с правительством Николая I и посетил Санкт-Петербург в 1853 году для консультации готовящегося посольства в Японию. Сотни предметов из собрания Зибольда хранятся в других музеях Санкт-Петербурга. Вероятность того, что и меч также восходит к оригинальной коллекции Зибольда, представляется весьма высокой¹⁷.

Клинок этого меча (общая длина – 54,8 см; *нагаса* – 42,7 см; *хамон* – *тю-сугуха*) был выкован в конце XV – начале XVI века и имеет подпись 播州住廣正作 – *Бансю дзю Хиромаса саку* («сделал Хиромаса из Бансю», то есть провинции Харима). Подпись старая, почти стершаяся и читается не очень четко. Известно, что активность кузнеца Хиромаса из Харима пришлась на 30-е годы XVI века¹⁸. Клинок декорирован на «внешней» стороне (*омотэ*)¹⁹ гравюрой *хоримоно*, представляющей собой стилизованное изображение *курукара рюо* – черного огненного дракона, обвивающего меч *кэн* с рукоятью в виде *ваджры* (яп. *конгосё*).

Курикара рюо – «Владыка-дракон» – это символ популярного в Японии буддийского божества Фудо Мёо²⁰. Ниже *курикара рюо* расположено стилизованное начертание *бондзи* («буддийского иероглифа»), который обозначает магическую мантру, пробуждающую мощь изображенного божества.

Меч имеет специфические металлические детали оправы, которые выполнены гораздо позже, нежели сам клинок, и явно разными мастерами. Похоже, оправу собирали по особому заказу, причем из разнородных по происхождению, но связанных общей тематикой и общей эстетикой деталей. *Фути* и *касира* декорированы в одном стиле: имеют медную основу, на которую наложена фольга из сплава *сякудо* с черной патиной; поверхность обработана методом чеканки в стиле *исимэ* – «глаз камня» (имитация шероховатой поверхности камня); сохранилась позолота в стиле *хирадзоган*; главное украшение, как и на *касира*, – фамильный герб *мару-ни катабами* – трехлепестковый цветок оксалиса (*Oxalis corniculata*) в круге. На *фути* представлен не весь герб, а только его часть, смещенная к краю изделия; при этом предполагается, что отсутствующая часть герба находится как бы вне поля зрения; это довольно часто встречающийся японский художественный прием. *Мэнуки*, плотно затянутые оплеткой рукояти, изображают конскую уздечку. Ножны – черного лака, их несъемные металлические детали, к сожалению, утрачены. Однако сохранился маленький нож *когатана* с рукоятью *кодзука*, декором которого выступает композиция в технике *такадзоган* (аппликации): на черном поле (пatina *сякудо*, *нанак*) изображены позолоченный веер *оги* и растительный орнамент *каракуса* с вьюнком *асагао* (ипомея). На самом ноже сделана надпись: 伴入道風一作之 – *Томонао нюдо Фуити саку корэ* («Это сделал Томонао нюдо Фуити»). Этот мастер из провинции Ига активно работал во второй половине XVII века и известен как изготовитель ножей *когатана*.

Но самой примечательной деталью оправы является *цуба*, изготовленная из ковanej бронзы. Она имеет круглую форму и украшена фигурами двух играющих в облаках драконов (*унрю*), символизирующих *Тайкёку* («Великий предел»), то есть стилизованное изображение «Пути Светлого и Темного начал» – *Оммёдо*. Один из драконов – восходящий, символ светлой, или мужской, стихии; его отличает древний фаллический символ – острие меча *кэн*, выступающее из хвоста. Другой дракон – нисходящий, символ

темной, или женской, стихии. Между драконами – волшебная жемчужина, исполняющая желания, – *ходзю*. Изображение выполнено в технике высокого рельефа (*нику-аи бори*), используется также патина и позолота. На *цуба* имеется подпись: 国重造平戸住 – *Кунисигэ цукуру Хирадо дзю* («изготовил Кунисигэ из Хирадо»). Мастер Кунисигэ (конец XVI века) – один из лучших представителей стиля *намбан* («южный варвар») в изготовлении *канамоно* (металлических деталей) для оправы мечей. Этот стиль был распространен среди мастеров северной части острова Кюсю, имевших возможность соприкасаться с заморскими произведениями искусства, изучать их и подражать им. В конце XVI века на острове Хирадо, где жил мастер Кунисигэ, располагалось поселение европейцев (прежде всего голландцев), позже переведенное на остров Дэсима, так что особым знаком Кунисигэ было использование им так называемых *намбандзи* – непонятных японцам «иероглифов южных варваров», то есть знаков голландской письменности, имитация которых стала декоративным орнаментом, украшающим торцевую часть *цуба*.

Описанные выше семь японских мечей – первые образцы *нихонто* в собрании старейшего российского академического музея. Хотя, с точки зрения японских экспертов, эти мечи ни в коей мере не являются шедеврами оружейного искусства, для японского собрания МАЭ РАН они представляют собой исключительную ценность не только как этнографические раритеты, но и как предметы, отражающие ранний этап изучения японской культуры в России.

О мече из собрания цесаревича Н. А. Романова

В собрания МАЭ РАН есть один меч, который восхитил и японских специалистов, – это меч *тати* с инвентарным номером 312-72 из собрания цесаревича Н. А. Романова, будущего императора Николая II. Этот меч был привезен им из поездки в Японию (1891) в составе обширной коллекции произведений искусства. К сожалению, музейные документы не сообщают имени дарителя этого меча, хотя известно, что Николай Александрович получил прекрасные подарки от многих представителей японской элиты (так, в Государственном Эрмитаже хранится меч, преподнесенный от имени императора Японии Мэйдзи (Муцухито)).

Этот меч представляет собой не только историческую, но и художественную ценность. На его черене имеется подпись мастера:

雲次 – Ундзи. Подпись по причине давности ее нанесения в значительной степени стерлась, однако иероглифы вполне различимы. Работы этого мастера, жившего на рубеже периодов Камакура и Намбокутё (первая половина XIV века), ценятся японскими экспертами очень высоко. Мастер Ундзи является представителем второго поколения школы Укаи (традиция *Бидзэн-дэн*) из провинции Бидзэн. Ундзи, как и его отец и учитель 雲上 (Ундзё), обслуживал двор императора Го-Дайго (1288–1339) в период обострившейся борьбы между сторонниками императорской власти и сторонниками сёгуната Камакура, за что оба получили в знак императорской милости признание и аристократические имена.

Длина клинка – 94,0 см; *нагаса* – 71,7 см; ширина в верхней части клинка (у черена) – 2,9 см, в нижней (у вершины) – 1,9 см; толщина – 0,6 см (у черена) и 0,3 см (у вершины), изгиб (*сори*) – 2,1 см. Форма клинка – *синоги-дзукури*, *фумбари* (имеющий выраженное сужение от порожков к вершине), *коси-дзори* (изгиб смещен к черену), *ко-киссаки* (вершина малого размера), *иори-хикуй* (обух треугольный, низкий), сужающийся к вершине. Узоры закалки – *ко-итамэ* / *ко-мокумэ* (мелкие плотные узоры, имитирующие спил древесины). Линия закалки (*хамон*) – *сугуха* с элементами *мидарэ* (прямая линия, не совсем ровная); паттерн закалки вершины (*боси*) – *о-мару* («большой круг»); сопутствующие узоры закалки (*хатараки*) – *ниоигути-фукаку*, *ко-ниэ*, *мидарэ-уцури*, *тикэй*, *сунагаси*, *ко-аси*, *тёдзи-аси*, ё (*ниои-кудзурэ*). На черене – два отверстия *мэкуги-ана* и следы укорачивания: часть черена была отрезана, по-видимому, в XVI или XVII веке (по этой причине клинки *тати* с укороченными хвостовиками японские эксперты называют *катана*). Опиловка *ясуримэ* отсутствует.

Оправа меча выполнена гораздо позже клинка (предположительно – в период с конца XVIII века до начала XIX века включительно) в стиле *итомаки-тати* и богато декорирована. Ножны украшены золотым лаком (с рельефными изображениями цветов дерева павлонии – *го-сан-кири камон*), в верхней трети, ближе к рукояти (и сама рукоять), оплетены шелковым шнуром насыщенного цвета *мурасаки* (пурпурно-фиолетовый), который считался символом дома сёгунов Токугава и был официально разрешен для использования исключительно представителям *Токугава бакуфу*. Металлические детали оправы выполнены в строгом, «официальном» стиле (основной декоративный мотив – композиции из золотых гербов *го-сан-кири*, выполненные

в технике *ироэ такадзоган* (аппликации в высоком рельефе) по покрытой иссиня-черной патиной поверхности, выполненной из медного сплава *сякудо*).

Обращает на себя внимание и такой элемент декора, как официальный герб дома Токугава – *мару-ни мицу аои-ба* («трилистник мальвы в круге»), выполненный из золота и размещенный на детали оправы *хабаки* (запорная муфта клинка) так, чтобы его можно было сразу видеть при вынимании клинка из ножен. Это обстоятельство позволяет предположить, что данный меч мог быть одним из официальных даров дома Токугава наследнику российского престола. В период Мэйдзи (1868–1912) дом Токугава хоть и утратил статус сёгунов, но оставался в числе представителей высшей японской аристократии. Дом Токугава и дом Романовых на момент визита Н. А. Романова имели уже почти 100-летнюю традицию контактов и обмена статусными подарками. В коллекции Н. А. Романова, хранящейся ныне в МАЭ РАН (коллекция 312), есть и другие прекрасные произведения японских оружейников, маркированные гербами дома Токугава (луки, колчан со стрелами, комплект доспеха).

Настоящий меч демонстрировался на выставке предметов, привезенных Николаем Александровичем Романовым из его «Путешествия на Восток» в Императорском Эрмитаже (1893) и был включен в каталог выставки. В каталоге меч зафиксирован следующим образом: «№ 593 – (509). Шашка японская в металлических бронзированных ножнах, с меховым чехлом»²¹. Под таким же названием он указан и в Описи № 312 МАЭ²². К сожалению, не осталось никакой информации, кто именно преподнес этот драгоценный меч Н. А. Романову.

Осенью 2015 года по инициативе господина Симада Нобуо, эксперта «Общества по сохранению художественного японского меча» (NBTHK), в МАЭ РАН был осуществлен проект по восстановлению исторического облика этого меча силами двух профессиональных мастеров – господина Икэда Нагамаса, одного из ведущих специалистов Японии по полировке, и господина Цукамото Ёсиюки, изготовившего *сирасая* – оправу для хранения клинка из древесины магнолии, которую специально высушивали в течении 30 лет, – и *цунаги* – точную копию клинка для помещения в историческую оправу меча. Работы проводились на глазах посетителей музея, которые получили редкий шанс увидеть и оценить искусство настоящих японских мастеров. Господин Симада Нобуо также подарил музею роскошный парчовые

чехлы для хранения оправы и клинка в *сирасая*, заметив при этом, что если бы этот меч остался в Японии, то имел бы шансы получить статус *кокухо* – национального достояния Японии.

¹ Российская академия наук.

² Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого «Кунсткамера» Российской академии наук.

³ *Иванов А. И.* Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого : Отдел культурных стран Азии. Пг., 1915. С. 20, 21.

⁴ *Гловацкий Г. А.* Новая экспозиция «Культура и быт населения Японии» в МАЭ // Советская этнография. 1970. № 3. С. 175–182.

⁵ *Успенский М. В.* Меч Кавадази Тосиакира // Успенский М. В. Из истории японского искусства. СПб., 2004. С. 131–135.

⁶ *Ксенофонтова Р. А.* Из истории японских коллекций Кунсткамеры // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1969. Т. 25. С. 280–303.

⁷ Там же. С. 281.

⁸ Там же. С. 288, 289.

⁹ *Синицын А. Ю.* Иоганн Арнольд Штуцер: новые биографические сведения о собирателе японских коллекций Кунсткамеры XVIII в. // Кюнеровский сборник : Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований : Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение : 2011–2012. Вып. 7. СПб., 2013. С. 227–234.

¹⁰ Об этой экспедиции и ее трофеях см.: *Позднеев Д. М.* Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России : в 2 т. Т. 2, ч. 2 : Первые сношения с Россией в жизни Северной Японии. Йокогама, 1909.

¹¹ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2-1810. № 37. § 430. Л. 2–3; Там же. § 426. Л. 3–5.

¹² *Синицын А. Ю.* О судьбе коллекции японских предметов собрания Кунсткамеры – МАЭ РАН, связанных с «экспедицией» Хвостова – Давыдова (1805–1807 гг.) // Радловский сборник : Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб., 2010. С. 152–157.

¹³ Уникальные памятники традиционной культуры Японии: Коллекция И. Ф. ван Овермеера Фишера и Ф. Ф. фон Зибольда в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук : кат. коллекции. Осака ; Санкт-Петербург, 2017. С. 182–194.

¹⁴ И. Ф. ван Овермеер Фишер, оригинальная опись собирателя 1838 г., опись № 13 МАЭ РАН.

¹⁵ *Gunsaulus H. C.* Japanese Sword-mounts in the Collection of Field Museum // Field Museum of Natural History. Publication 216. Anthropological series. Vol. 16. Chicago, 1923. P. 67.

¹⁶ *Hawley W. M.* Hawley's Japanese Swordsmiths : in 2 vol. Vol. 2. Hollywood, 1998. P. 636.

¹⁷ См.: Синицын А. Ю. Коллекция № 13 из японского собрания МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: состав и история формирования // Уникальные памятники традиционной культуры Японии... С. 27–36.

¹⁸ Hawley W. M. Op. cit. Vol. 1. Hollywood, 1998. P. 64.

¹⁹ Согласно японской традиции ношения, «внутренней» стороной клинка считается та, что при ношении меча соприкасается с поясницей, «внешней» – та, что направлена в противоположную сторону. Подпись мастера обычно вырезается на «внешней» стороне, а дата изготовления – на «внутренней». Поскольку мечи *тати* носятся острием вниз, а *утигатана*, *катана* и *вакидзаси* – острием вверх, то «внешняя» и «внутренняя» стороны у этих двух групп клинков не совпадают.

²⁰ Фудо Мёо – верховный видьяраджа, божество, почитаемое в школах японского эзотерического буддизма (密教 – миккё) как манифестация Дайнити Нёрай (Махавайрочаны), восходит к санскр. Акала (Акаланатха), одному из гневных воплощений Шивы. *Курикара рюо* (俱利伽羅竜王; санскр. *Куликала-нагараджа*) – один из нагараджей, спутников Шивы. Иногда изображается оплетающим меч, иногда – пожирающим его.

²¹ Каталог выставки предметам, привезенным Великим Князем Государем Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем из путешествия Его Императорского Высочества на Восток в 1890–91 гг. СПб., 1893. С. 69.

²² Опись № 312 вещам, привезенным Его Императорским Величеством из путешествия на Восток, в 1890–1891 гг., и подаренных Государем Императором для Этнографического музея Императорской Академии Наук. Отдел V. Отдел Японский. Номер 312–509.72 (в настоящее время инв. № – 312-72).

Редактор *А. В. Спиридонова*
Верстка: *А. В. Стадник*

Подписано в печать 26.03.2018
Заказ 18. Тираж 100 экз.

Отпечатано в Государственном Эрмитаже
190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34